

A romantic couple is featured in a winter-themed setting. The man, with short brown hair and a light beard, is wearing a light blue button-down shirt and is kissing the woman on the cheek. The woman has long, wavy brown hair and is wearing a dark green strapless dress. They are surrounded by falling white snow and green pine branches. A large red ribbon is draped across the lower left corner. The background shows a blurred cityscape.

УЛЪЯНА
ГРИНЬ

РАБОТА
НАД
ОШИБКАМИ

Ульяна Гринь

Работа над ошибками

«Автор»

2022

Гринь У.

Работа над ошибками / У. Гринь — «Автор», 2022

Мне 45 лет, ни мужа, ни детей, даже друзей нет. Работаю за мизерные деньги и вечера коротаю перед телевизором. Что я хочу? Да наверное уже ничего. Разве что...Шанс изменить жизнь, начать сначала, не повторить тех же ошибок.И вдруг мне дают такую возможность! Только всего три попытки, как три желания...

© Гринь У., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Жизнь номер один	5
Жизнь номер два	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ульяна Гринь

Работа над ошибками

Жизнь номер один

30 декабря 2020 года

– Алевти-ина-а-а!

Вопль пронёсся по длинному гулкому коридору, отскакивая от крашенных в болотно-зелёный цвет стен, и достиг моих ушей. Я вздрогнула, воровато оглянулась и махнула Пузатой с рампы:

– Иди, иди! Попозже прибегу, покормлю тебя!

Пузатая испуганно прижала лопухастые уши к голове и отбежала в сторонку. Лучше, чтобы Лариса Пална не видела, что я кормлю бродячих собак! Запретила ж, строго-настрого! А завхозу вообще велела сразу вызывать живодёрку...

– Кыш, Пузатая, кыш, – я ещё раз махнула рукой на собаку и поспешила внутрь: – Я тут, Лариса Пална, бегу!

Заведующая стояла у выхода в торговый зал и нетерпеливо постукивала острым носком модной туфли по кафелю. Завидев меня, она постучала уже пальцем по циферблату воображаемых часов на запястье и принялась истерить:

– Зал грязный, люди жалуются! А ты ходишь чёрти-где!

Да уж, целых десять минут зал немыт! Угу... Я молча метнулась за шваброй и ведром, а Лариса Пална крикнула вслед:

– И витрины протри! Совсем распустились... Пора премий лишать. А начну с тебя, Алевтина!

С меня она начнёт! Вот сволочь! Лучше бы охранника премии лишила, он вон бухает из-под полы... Или продавцов, которые всю смену курить бегают каждые полчаса, а кассы закрытые стоят... Нет, проще на Алевтину нагавкать, она ж безответная дура, только такие и идут работать уборщицами за двадцать тысяч!

Смена закончилась в семь вечера, и я, сложив свои тряпки, одевшись, побежала на остановку по рыхлому снегу. Темно, холодно, лапушки ждут...

Тряпкой намахалась, устала. В маршрутке затолкали. Не могут люди раньше готовиться к Новому году, надо в последние дни покупать огромные подарки и везти толстые торбы с продуктами... Вылезла я из Газели вся ужата, разве что синяков не наставили по всем частям тела... А ведь ещё надо по дворам пройти, лапушек покормить! Я пошарила в сумке в поисках пакета с сосисками и шлёпнула себя по лбу ладонью. Ну не дура ли? Оставила в подсобке на столе! Ну, значит, потеряно, обязательно кто-нибудь заберёт...

Эх.

Придётся идти в соседний магазин, а там цены... Ну ладно, один раз для лапушек не жалко!

Я долго ходила в колбасном отделе, выискивая сосиски подешевле, купила полкило и вышла на улицу. Из-за огорчения по глупой трате денег даже не замечала ничего вокруг. Результат – столкнулась с хорошо одетой молодой женщиной, и у той из рук выпали сумочка и портфель.

– Ой, простите! Я нечаянно! – воскликнула и принялась подбирать бумаги, разлетевшиеся по рыхлой снежной грязи тротуара. А когда разогнулась и протянула женщине её добро, ослепенела на пару секунд. Потом спросила неуверенно: – Это ты, что ли?

– Мы знакомы?

Мне показалось, что она смотрела на меня несколько брезгливо. Оглянулась на стеклянную дверь магазина – ничего особенного, ну, толстая баба в вязаной шапке и синем пуховике, похожая на человечка Мишлена. Вроде нормальная, не бомжиха. Нахмурилась:

– Войчевская, ты меня не узнала? Это же я, Алька!

Она широко распахнула глаза с длинными загнутыми ресницами и пробормотала:

– Боже, Румянцева? Ты так... изменилась!

– Да ладно! Серьёзно? А ты, ты стала такая... – я ещё раз оглядела её тонкую фигурку в распахнутом пальто, беретик какой-то невероятный на длинных локонах, её макияж и ресницы и добавила: – Такая дама!

– Да ну тебя, – рассмеялась она, показав ровные белоснежные зубы, но было ясно, что ей приятно. Доброе слово – оно даже кошке приятно, а тут целая Ленка Войчевская, которая всегда была заучкой и очки носила до выпускного класса.

– Ты где сейчас? Работаешь?

– А как же! Отпахала в налоговой, дослужилась до начальника управления. А теперь у меня своя фирма, аутсорсинг бухгалтерских услуг. Тебе бухгалтер не нужен? Своим скидка!

Она смеялась, а мне стало не по себе. Надо же... Начальник управления, сама себе шеф!

– Молодец ты, Войчевская, – проямлила, уходя от ответа. Захотелось её уколоть чем-то, и я спросила: – Замужем?

– А как же! – самодовольно ответила Ленка. – Толика Чекменёва помнишь? В параллельном классе учился. Сейчас он коммерческий директор в строительной компании, работает по всем округам России! А детей двое, я больше не захотела, сказала: стоп! Хотя, конечно, могла и пятерых родить, дохода хватает...

Чем больше она говорила, тем больше мне хотелось ударить её по красиво покрашенному лицу. Наверное, чтобы замолчала, чтобы перестала хвастать своей прекрасной жизнью! Даже вдохнула судорожно через стиснутые зубы и постаралась улыбнуться:

– Я рада за тебя, Войчевская! Прости, мне пора, побегу!

– А у тебя-то как, Румянцева? – растерянно спросила Ленка мне в спину. Но я мужественно проигнорировала её вопрос. Надо вообще забыть о том, что я встретила бывшую одноклассницу. Нет никакой Войчевской, не было её сегодня, нет – никогда не было!

И бежала, бежала, меся сапогами жидкий серый снег. К лапушкам. Им всё равно, как я выгляжу и во что одета!

Свернув в подворотню, позвала:

– Кс-кс! Где вы, лапушки мои? Кс-кс, Чёрная! Малышка! Кс-кс, Мурочка! Васенька!

Дрожащими пальцами разорвала оболочку сосисок и достала две, принялась щипать по кусочкам в пластмассовую мисочку из-под детского питания, которую сама сюда ставила. Мисочка была вылизана до кристальной чистоты. Из-за крыльца парадного послышался жадный мяв. Мурочка! Она всегда первой бежит на зов, она самая ласковая. Вот, уже мордочку сунула в миску. Я бесстрашно почесала кошку по полосатой шкурке и снова защипала мякоть сосисок. Рыжая Малышка материализовалась рядом с сестрой, вытанцовывая вальс, чтобы получить свою порцию. Васька с белым пятном на носу спрыгнул с подоконника первого низкого этажа и фыркнул на девочек, разгоняя. Получил свою сосиску и, урча, проглотил её в десять секунд.

– Лапушки мои, – растроганно протянула я. – Кушайте, хорошие мои... Одни вы у меня...

Дома всё было тихо. Привычно сбросила куртку на стул, туда же устроила сумку, взяла из неё телефон и пошла на кухню. Щёлкнув зажигалкой, зажгла газ и бухнула полный чайник на конфорку. Каждый день одно и то же... Сейчас чаю попью, схожу приберусь у бабы Мары и прилягу перед телевизором, сериальчик посмотрю под стаканчик. А пока...

А пока Войчевская никак из головы не выходит.

Как у неё так получается всё? И худенькая, и умная, и выглядит на тридцатник максимум! Одета хорошо, муж и двое деток, денег, наверное, немерено... Почему у меня не так? В какой момент я стала такой, какая сейчас? Что я делаю неправильно?

Пока чайник грелся, я пошла в свою комнату. Где у меня лежат старые альбомы? По-моему, где-то в коробке на антресолях... Чего я запихнула её так далеко? С дивана не достать, придётся тащить из кладовки стремянку.

Через полчаса я, отдуваясь, стащила коробку со старьём на стул, сползла со стремянки и плюхнулась на диван. Откинув альбом с видами Петергофа, достала папку с пожелтевшими документами. Папины. Какие-то назначения, награды, грамоты победителю соцсоревнований... Семейные фото, небрежно сложенные между толстых страниц альбома. Выкройки, вырезанные из советских журналов, рецепты... О, рецепты – это дело, надо оставить! А вот и то, что я искала.

Серый длинный альбом с тиснёными золотыми буквами. Мои школьные фотографии... Открыла с трепетом, и увидела себя – тоненькую, высокую, длинноногую. Какая же я была звезда! Это какой класс? По-моему, седьмой. Девочки рядом – Ната и Оля. Они жили в нашем доме, только Ната на третьем этаже, а Оля в соседней парадной на втором. Папа её ещё был известным лирическим певцом...

Что с ними стало теперь? Не помню, когда я перестала общаться с подругами. Здравовалась на улице и всё. Ната вышла замуж и переехала куда-то в новостройку, а Оля... Бог знает, где она теперь и чем занимается.

Перелистнув страницу, я взяла пачку слегка покособившихся и пожелтевших от времени фотографий. О, это же наш двор! Песочница, карусель, качели. И скамейки для старушек. Но на них мы – я, Ната и мальчишки. Ботаник Вова, хулиган Ванька, его подпевала Андрейка. А рядом дворовая сука Лимон. Почему мы звали её Лимон? Чёрная же, как ночь, похожая на немецкую овчарку, худая, нечёсаная... Она ещё беременная ходила, а потом исчезла, и никто её больше не видел.

В дверь постучали, и я очнулась. Отложила альбом, крикнула:

– Кто там?

– Это я, тётя Аля!

Мишкин голос. Мишка снимает у меня комнату. Ему недорого, а мне хоть какая-то видимость семьи...

– Чего тебе, Миш?

– Вы чайник забыли выключить!

– Ох ты ж... – я кряхтя поднялась с дивана. – И правда, забыла. Всё забываю!

Память стала ни к чёрту. Что поделать, в сорок пять баба не всегда ягодка опять! Часто ягодка гниёт изнутри. Да и снаружи тоже...

Чай был заварен и выпит. Слишком быстро. Но расслаживаться некогда, пора и к бабе Маре.

Старушка жила на пятом этаже. Ей в этом году стукнуло уже девяносто, она практически не вставала с постели. Каждый день к ней приходила сиделка из социальной службы, чтобы переодеть, помочь умыться и приготовить еду. А мы с бабой Марой договорились за сто рублей в день. Мне деньги не лишние, а бабе Маре уборка и немного компании.

Поднявшись на три этажа выше, я открыла дверь своим ключом. Повозилась, шаркая на половике, крикнула:

– Баба Мара, это я!

– Алечка, деточка! – проскрипела старушка своим громким голосом из комнаты. – Проходи, я уж ждалась.

Я вошла. Баба Мара – грузная, седая и морщинистая – полулежала на вечно разложенном диване перед телевизором. Подняв пульт, она потыкала в него кривым пальцем с воспалёнными суставами и пожаловалась:

– Не могу программу переключить!

– Опять батарейки сели, – вздохнула я и сразу пошла к ящику древней югославской секции, где баба Мара хранила всякую полезную мелочь.

– Сели, проклятые... Какую дрянь сейчас делают, вот раньше батарейки целый год работали!

– Баб Мар, когда раньше-то? – я рассмеялась. – Вон у нас только в девяносто третьем появился телевизор с пультом.

– Ну, когда-то тогда, – она махнула рукой. Я забрала пульт и открыла крышку. Быстро заменив батарейки, прицелилась в телевизор:

– Какой канал надо?

– Давай Рен-ТВ, – скомандовала баба Мара. – Там как раз сейчас про партийную элиту будут рассказывать!

– Смотрите всякую ерунду, а потом бессонницей маетесь, – пожурела я соседку. – Ладно, пойду полы мыть.

В квартире бабы Мары было две комнаты. В одной она жила, вторая же служила складом для вещей, которые старушке уже не понадобятся, поэтому туда и не входили. Только я раз в две недели открывала окно и проветривала. Посуды тоже скапливалось немного – несколько чашек и тарелок, кастрюля и сковородка. Вымыть их, смахнуть пыль кое-где и протереть полы в кухне, коридоре и комнате – я управилась, как обычно, за полчаса. А баба Мара, как обычно, принялась уговаривать:

– Ну, давай уже, заканчивай, тут и не грязно вовсе. Мне Танечка купила тортик, мой любимый – Киевский. Попьем чайку, а?

– Да я уж домываю, ещё пять минут.

Убрав прядь волос с лица, я выжала тряпку, прошлась ещё раз насухо у подоконника с фиалками всех цветов радуги и выпрямилась:

– Вот теперь всё. Пойду ставить чайник.

Чаёк с бабой Марой мы пили часто, и я уже знала, как и что заваривать. Старушка не признавала чёрный чай, говорила, что от него желтеют зубы и подсакивает давление. Она пила только зелёный чай с ложечкой мёда, а к нему обязательно пирожное или кусок торта. Я заварила, выждала пять минут, сервировала всё на пошлом подносе, расписанном аляповатыми яркими цветами, и принесла в комнату.

– Слушай, слушай! Там сказали, что сам министр культуры в бордель наведывался! – возбуждённо заскрипела баба Мара. – Я помню его, он жил в нашем доме в пятидесятых годах! Такой импозантный мужчина, лысый, но приятный!

– Уф, меня тогда ещё даже в планах не было, – фыркнула я. – Вот ваш чай и тортик.

– Да-да, а ты возьми денежку там, в секции.

– Ай, ладно, сегодня в честь праздника обойдёмся без денежек, – неожиданно для себя сказала я старушке. Та покивала с озадаченной гримаской и, отломив ложкой кусочек торта, спросила:

– С кем ты Новый год будешь встречать, Алечка?

– Одна, с кем же ещё, – я грустно пожалала плечами. – Вот отработаю до двадцати одного и домой, телик смотреть и шампанское пить.

– А жилец твой?

– Мишка-то? Чего ему, он молодой, куда-нибудь усвистит в компанию.

– Эх, как же ты так-то, Алечка... Ни мужа, ни детей. Родителей рано похоронила...

– Ой, не говорите, баба Мара! Одна осталась, да и пусть. Сама виновата.

Торт из сладкого превратился в горький. Захотелось заплакать. Но я сдержалась. Вспомнила фотографии из альбома. Я всегда была популярной, со мной дружили девочки, в меня влюблялись мальчики... Я даже испытала самую настоящую любовь – ту, которую обычно вспоминают с придыханием и пишут с большой буквы! Но всё осталось в прошлом, а прошлое не изменить.

Так и сказала бабе Маре. А та с удовольствием съела ещё кусок тортика и сказала, облизав ложку:

– Обычно нельзя, но иногда можно!

Я только рассмеялась. Старушка-веселушка любит шутить! Только шуточки у неё какие-то обидные. Я тут страдаю, а она подкалывает. Ай-ай-ай, баба Мара, нельзя так жестоко с людьми...

– Алечка, деточка, сделай милость, – попросила старушка, когда торт закончился, – возьми в секции... Нет, не там, а в хрустальном лебеде! Ну, в конфетнице же! Там браслетик, возьми его, Алечка.

Я подцепила пальцем браслет из тусклых прозрачно-оранжевых бусин и принесла бабе Маре, но та замахала на меня:

– Нет, это тебе. Надень на руку и не снимай! На левую, Алечка, на левую руку!

– Ну зачем вы, – пробормотала я, не решаясь принять подарок. – Красивый какой... Это янтарь?

– Янтарь, Алечка, да не простой!

– А золотой, – подхватила я с улыбкой, натягивая браслет на запястье. Он оказался не эластичным, как я думала, а на простом шнурке. Баба Мара надула щёки и чуть ли не обиделась:

– Вот ты смеёшься, Алевтина, а браслетик этот достался мне от матери. А ей – от бабули. Это наш фамильный янтарь. Бабуля моя была известной ведуньей и знала такие вещи, что тебе и не снились!

– Да я ж ничего не говорю, – начала оправдываться я. – Очень красивый браслет, и бабушка ваша, я уверена, была очень умная!

– Ты вот не смейся над старухой, а пойди домой и подумай: с какого момента ты хотела бы изменить свою жизнь!

Я только головой покрутила и рассмеялась, желая обратить этот разговор в шутку:

– Ладно, подумаю! Наверное, в садике было лучше всего! Там и поспать можно было.

– Иди уж, всё бы тебе смеяться, – отмахнулась она. – Иди, я фильм хочу посмотреть!

Всё ещё с улыбкой я унесла на кухню чашки и тарелки, помыла их, поставила сушиться и крикнула:

– Я пошла, баб Мар!

Заперла дверь ключом и, вздохнув, стала спускаться к себе. Тоже мне, придумает старушка всякую ерунду! И ведь полнейшая ерунда, не верю я ни в какую мистику, и изменить жизнь нельзя. А в голове вертится мысль: а правда, в какой момент моя жизнь пошла наперекосяк?

На диване всё ещё лежал школьный альбом, открытый на фотографии с Лимон. Куда же делась эта собака? Наверняка злые тётки позвали дворника, и он отвёл суку на живодёрню, иначе бы она вернулась. Чёрт! Надо было когда-то давно забрать её домой! Ну да теперь уж поздно. Я отпихнула альбом рукой, села, злясь. Нет, глупости! Как можно вернуться в прошлое? Никак. Машину времени так и не изобрели. А я так и останусь жить старой толстой дурой, просравшей свою судьбу.

Сгорел сарай – гори и хата. Я достала из шкафчика для белья бутылку вина, открыла её и включила телевизор. Посмотрю и я какой-нибудь фильм, поплачу. А завтра опять на работу, а там и Новый год...

Уснула я на диване, даже не разложив его. Просто натянула на себя покрывало, поставив пустую бутылку на пол, и закрыла глаза. А телевизор всё журчал, убаюкивая, качая сознание, унося в сон.

Жизнь номер два

14 мая 1988 года

Вжик!

Это шторы раздвинули. Такой звук, как будто с треском раскрыли окно в мир. Солнце ударило в глаза, и я поморщилась. Неужели Мишка дурью мается? Заперла я комнату вечером или нет? Не помню...

– ...Следующее упражнение! Опустите руки вниз, поднимаем плечи вверх. Раз, два, три, четыре...

И рояль. Бодряя музыка...

Нет, я точно Мишку убью! Ему прикольно, а мне плохо...

Встать, попить водички, убить квартиранта, лечь и ещё поспать. Эта программа сложилась в мозгу сама собой, и я, чувствуя картон в пересохшем рту, наконец разлепила глаза. Отвернулась от солнца. Скользнула взглядом по мишкам на бревне. Ковёр... Я же его продала сто лет назад!

Бред. Надо встать, попить водички... Что там дальше было? А, убить квартиранта!

– Мишка, я тебя урою, дебил половозрелый, – пробормотала я, поднимаясь на локтях. Под попой твёрдо. Что с моим диваном? Где моё покрывалко? Что за дурацкий матрас?

Неясным взглядом я оглядела комнату, и удивление окончательно затопило ещё воспалённый после вина мозг. Софа, вот почему твёрдо. Секретер. Почти новый, блестит полировкой. Бельевой шкаф в три створки. Ручка у него целая, не сломанная. Странно... Я же её оторвала давно! На соплях болталась, вот и... Шторы немецкие, тонкие гардины... Я помню, мама покупала их по блату в ГУМе и меня зачем-то с собой потащила!

– ...Руки в стороны, хлопок, в стороны, в исходное положение! Упражнение начали!

Я потрясла головой, и мозги вяло заплескались в черепушке. Как это? Так не бывает. И быть не может в принципе!

Опустив взгляд, я нашла маленькую грудь под тонкой белой маечкой, а всё остальное было прикрыто одеялом в хрустящем от крахмала пододеяльнике. Ромбик в середине. Через него я, пыхтя, засовывала байку внутрь и пыталась расправить. Когда Вале было не до того...

– Вставай, засоня! Утро давно уж! Пора завтракать и собираться на урок!

Громкий весёлый голос заставил меня застыть соляным столпом, как жена Лота. Губы сами растянулись в радостную улыбку. Вот это номер! Ведь я была на её похоронах...

– Валя, это ты? – спросила хрипло. Вот что значит старая курильщица... Стоп! Грудь-нулёвочка у меня была до четырнадцати, а потом... Э, что происходит вообще?

Валя смотрела на меня с укором, поджав тонкие губы, а руки уперев в необъятные бока. Валечка, родненькая, она же погибла в девяносто втором! Везла товар в Польшу, челночила, и убили её по дороге, ограбили и ножом пырнули...

– Вставай уже! Сон, что ли, нехороший приснился?

Валя подошла своей обычной танцующей походкой, при которой её бёдра колыхались, как у танцовщицы живота, и решительно сдёрнула с меня одеяло. Я машинально проводила его взглядом и увидела свои ноги – стройные, длинные, красивущие! Заросшие... Ой, мамочки!

– Завтрак на столе, Алечка, давай уж просыпайся! Торопись, а то мама твоя как займёт ванную, так и уйдёшь неумытая!

И Валя выплыла из комнаты.

Да, мама любила принимать ванну по утрам... Любит? Я запуталась. Какой сейчас год? Это всё вообще реально? Или я сплю? Сон... Как узнать, сон это или нет?

Я поднялась, чуть покачнувшись, и решительно ущипнула себя за мякоть руки. Той мякоти там всего ничего... Худышка! Ох, больно! Значит, не сон. Перевела взгляд на запястье

левой руки и вспомнила. Янтарный браслет, фамильная ценность от бабушки-ведуньи. Баба Мара велела подумать про момент, с которого мне нужно изменить свою жизнь.

А я не поверила.

В шкафу должно быть большое зеркало на всю створку. Мама специально просила такой шкаф для меня – с зеркалом. Я осторожно открыла шкаф, заглянула в него. Аккуратно сложенные стопочки маек, брюк, юбочек... Колготки, господи, кошмар, я такое носила? Свитера, свитерочки, а вот этот я помню! Мой любимый!

Глянула в окно – лето! Форточка открыта, свежий воздух – ой какой свежий! И шум проспекта – знакомый и привычный... Так, надо одеваться и выходить из комнаты. Даже если мне очень страшно и волнительно, надо посмотреть на маму и папу! И узнать, какой год на дворе!

Вышла. Вообще шикарно вышла, если честно. Забыла, что у нас в коридоре стояла тогда тумбочка с ногами-раскоряками, и вцепилась в неё с размаху пальцем в тапочке!

– Уй-й! – взвыла и тут же услышала:

– Ляля, ну в кого ты такая неуклюжая уродилась? Сломаешь же в конце концов хорошую вещь!

– Надя, прекрати третировать ребёнка! Дочка, не ушиблась?

На душе стало вдруг так радостно и так светло, что я выпорхнула, как птичка, в зал и сказала звонко:

– Мама, папа, доброе утро!

– Доброе, – буркнул папа. – На вопросы надо отвечать.

– Я не ушиблась, спасибо, папочка! – и чмокнула его в облысевшую макушку. Папа довольно надулся, но спрятался за утренней газетой. Зато мама вступила в беседу:

– Ляля, что ты надела? Ты с ума сошла?

– А что? – я оглядела свои джинсы и тот самый свитерок, связанный Валею из журнала Бурда – с тремя скотч-терьерами.

– Ты же на урок идёшь! Быстро переодевайся в школьную форму!

– Мам, ну пожалуйста! – по привычке протянула я. – Это же не школа, а частная преподаватель, можно, я так пойду?

– Нет, Ляля, не спорь.

Мама сделала строгое лицо и даже голос повысила. Я вспомнила, что пререкаться с ней -никогда не было толку. Поэтому вздохнула и пошла обратно в комнату. Школьная форма висела на плечиках в шкафу. Я стащила с себя любимую одежду и натянула коричневое шерстяное платье. Оно всегда кололось, и я поёжилась. Расправила воротничок с пришитыми кружевами. Одёрнула манжеты. Валя пришивала воротничок два раза в неделю: в среду и в воскресенье. И передник гладила тогда же. А сегодня у нас что?

Глянула на календарь, который стоял на секретере рядом с подставкой для учебника. Суббота. 14 мая. Год тысяча девятьсот восемьдесят восьмой. С ума сойти! Мне двенадцать лет...

Что же я должна изменить?

Может, чёртову скрипку?

Я обернулась к инструменту. Трёхчетвертушка моя... Сколько же я её мучила в детстве! А до целой скрипки так и не доросла. Азалия Эдуардовна умерла, некому стало меня учить. Или мучить. Мне было скучно играть на скрипке. Так скучно, что хоть рыдай от тоски! Но мама непременно желала, чтобы я пошла по её стопам и поступила в консерваторию... Сама обожала свой рояль и играла на нём каждый день, а мне выпала карта скрипки.

А если всё из-за этого?

Если бы я не бросила заниматься скрипкой, может, стала бы известным музыкантом? Блистала бы на сценах Парижа и Милана...

Что ж, если так, если баба Мара мне дала шанс со своим браслетом изменить своё будущее – я выдержу скрипку. Как бы мне ни было скучно.

Завязав на спине пояс передника, я решительно вышла в гостиную и предстала перед мамой с футляром от скрипки в руках.

– Ну вот, так лучше?

– Лучше, Ляля. Только сегодня у тебя с головой совсем не всё в порядке, – поджала губы мама. – Ты косы заплетать собираешься? Будь добра, успокой меня. Ты же не хотела пойти на урок к Азалии Эдуардовне такой растрёпанной?

Косы... Чтоб их... Совсем забыла! Сколько лет уже ношу короткую стрижку, косы состригла в семнадцать, когда в институт поступила. Теперь чеши их заново, заплетай, банты вплетай, чтоб красиво и равномерно было...

– Валя, проследи, чтобы Ляля причесалась и позавтракала перед выходом, а я пойду приму ванну, – строго сказала мама и удалилась, поправляя бигуди на лоснящихся каштановых волосах.

– Садись, Алечка, покушай, – ласково отозвалась Валя и налила в мою любимую чашку слабенького чая. Я села со вздохом. Да, хорошо оказаться в детстве, но как же много в нём несправедливостей... Косы. Ненавижу косы! И скрипку.

Валя пристроилась позади меня с расчёской и принялась расчёсывать густые длинные волосы. Хорошая она всё-таки была, Валя, добрая. Сейчас и косы заплетёт, и банты красиво завяжет...

– В Карабахе всё ещё сложная ситуация, – пробормотал папа, перелистнув страницу газеты. – Никак не могут урегулировать... Нянчатся с ними, нянчатся. Кончать надо сюсюкать! Ввести войска и баста!

– Введут, – сказала я, отпивая чай. Есть не хотелось. – Всё равно там будет жарко ещё много лет.

– Алевтина, не вмешивайся во взрослые дела, – строго осадил меня папа. – Завтракай и на урок!

Я только плечами пожала. И правда, чего я выдаю ему события будущего? Всё равно ведь не поверит. А на урок опаздывать никак нельзя: Азалия Эдуардовна женщина слишком правильная и занудная. Пожалуеться потом маме, а та меня будет пилить неделю!

– Хорошо, папочка, – ответила я, как покладистая дочь, и вскочила. Через пять минут, обувшись в лаковые чёрные туфельки без каблука, я вышла за дверь и спустилась по лестнице к двери.

Распахнула её – и мир открылся мне, полный света, солнечных лучей, зелени на деревьях, яркой травы на клумбах и местами ещё влажного от утреннего дождя асфальта. На карусели крутились двое мальчишек и девочка, ещё две девчонки в платьицах старательно рисовали мелом классики. Я вдохнула запах двора – почти забытый, я уж думала навсегда – и улыбнулась. Как же хорошо, господи!

Из-под дерева вскочила лежавшая там чёрная собака. Моя улыбка растянулась до ушей, и я присела на корточки, положив футляр на асфальт, и протянула руки, позвала срывающимся от радости голосом:

– Лимон! Лимон, лапушка моя! Иди сюда!

Сука потрусилась ко мне, вывалив наружу длинный розовый язык. Шерсть на боках её свалилась, расчесать бы... А ведь красивая собака, непонятно – почему её выбросили, почему до сих пор не взяли домой? Я бы взяла, я всегда хотела! Тем более, Лимон была такая добрая и послушная, что позволяла себя тормозить даже самым маленьким детям. Никогда и ни на кого не огрызнулась, никогда не зарычала, только хвостом виляла, будто извиняясь за свой неухоженный вид.

Я погрузила пальцы в тёмно-серую шерсть на загривке и с наслаждением почесала. Собака вытянула голову, обнюхивая меня, глаза прикрыла от удовольствия. И заурчала, как кот Васька – утробно, низко, ласково. Меня затопило волной детского счастья. Как же было бы здорово, если бы мама позволила забрать Лимон к нам... Я бы с ней гуляла сама, кормила бы по часам, комнату бы убирала. Да что там, я бы в школе на одни пятёрки училась бы! Ради собаки...

– Алька! А ну отойди от псины!

Голос соседки с первого этажа заставил вздрогнуть. Лимон чихнула и отбежала от меня, остановилась поодаль и растянула пасть в собачьей улыбке. Соседка – дура старая. Но лучше пока с ней не связываться, а то маме наябедничает.

Со вздохом я сказала собаке:

– Подожди как я вернусь с урока, я тебе колбаски вынесу.

И пошла в подворотню, слушая, как скрипит, покачиваясь, футляр инструмента.

До дома учительницы музыки было рукой подать. Я шла, чуть ли не пританцовывая, и жадно разглядывала всё вокруг – машины, среди которых не было ни одной иномарки, дома ещё без подсветки и без ремонта, людей в такой смешной одежде. Смешной для меня, той, которая прожила двадцать лет в следующем веке. Но вот такие туфли, я точно помню, носились до середины девяностых. И мужские рубашки в клеточку... И причёски, причёски! Девочки в платьях и бантах, старшеклассницы уже со стрижками, ставшими раритетом.

А не опоздаю ли я?

По привычке поискала карманы, чтобы взять смартфон, но нашарила только фантик от конфеты «Белочка» в кармашке передника. Чёрт! Я и забыла, в каком я году! Какой смартфон, тут даже упоминать про него нельзя... Но зато у меня на запястье оказались часики. На правом. Почему я тогда носила их не на левой руке? Не помню. Из чувства противоречия, вроде бы. На часах было уже без пяти десять. А ну, Алька, бегом!

В подъезде учительницы пахло кошками. Это потом тут установят кодовый замок, сделают ремонт и покрасят стены в приятный серый цвет. А пока можно вычислять, кто с кем дружит, кто с кем встречается, а кто кого хочет побить, по надписям на побелке. Я легко взбежала на третий высокий этаж и позвонила в дверь с номером 15. Глянув на часы, выдохнула: без трёх минут, успела.

Глухие шаги с медленным перестуком каблучков раздались за дверью, щёлкнул замок, и я увидела Азалию Эдуардовну. Она в свою очередь оглядела меня, поджав губы, и заметила:

– Алевтина, мне кажется, в первый раз вы пришли без опоздания. Поправьте меня, если я не права.

– Я вроде никогда не опаздывала, – пожалв плечами, ответила и спохватилась: – Ой, добрый день!

– Здравствуйте, Алевтина. Проходите, начнём урок.

Я прошла в зал двухкомнатной квартиры, где стояли дорогое пианино, стол с двумя стульями и сервант с хрусталём. Отдельно поближе к окну торчал пюпитр с уже разложенными нотами. Я привычно раскрыла футляр, вынула скрипку со смычком, вскинула инструмент к шее. Азалия Эдуардовна прошла до стула и расположилась на нём:

– Что же, покажите мне, как вы выучили домашнее задание.

Я похолодела. Чтоб мне провалиться, я же не знаю, какое задание мне задали в прошлый раз! Как будто снится кошмар: надо в школу собираться, а портфель не собран, уроки не выучила... И паника, паника! Азалия Эдуардовна подняла левую бровь, пристально глядя на меня. Я выдохнула. Вдохнула. Представила, что передо мной Лариса Пална из магазина, и решительно сказала:

– Я не выучила. То есть, наверное, выучила, но... Азалия Эдуардовна, скажите мне честно... Вы же честный человек, правда ж?

– Всегда считала себя таковым, – удивлённо ответила женщина. Я вдохновилась:

– А раз так, скажите: есть у меня шансы стать профессиональной скрипачкой? Такой, чтобы выступать на сцене перед большим залом?

Азалия Эдуардовна подняла и вторую бровь. Её голубые глаза, никогда особо не выражавшие тёплых чувств, окончательно похолодели, и учительница музыки ответила мне сухим тоном:

– Я всегда считала, что скрипка – это прежде всего для души, для развития... Для более тонкого восприятия действительности! А вы, Алевтина, разочаровали меня, думая лишь о славе и успехе!

– Тонким восприятием действительности, Азалия Эдуардовна, сыт не будешь, – сказала я с убеждением. – Мне думать нужно о будущем. Если вы скажете, что у меня нет таланта, что я никогда не стану знаменитой...

– Талант, деточка, это всего лишь треть успеха. Остальные две трети – это долгая и кропотливая работа, – ответила учительница, чуть повысив тон. Она не сердилась, а говорила громче, когда хотела донести до учеников что-то очень важное. Но этот постулат я уже знала. Мне бы какую-нибудь секретную информацию...

Я сложила пальцы на струнах и провела смычком по струнам. Извлечённый из скрипки звук оказался меланхоличным и грустным. Азалия Эдуардовна прищурилась:

– Хорошо, Алевтина. Давайте попробуем с вами сыграть нечто новое. Будьте любезны скрипкой показать, что у вас на сердце. А после этого я скажу вам, стоит ли продолжать работать...

Через час я вышла из квартиры в смятении. Музыка сердца оказалась несовершенной, глупо-визгливой и короткой. Но Азалия Эдуардовна отчего-то вдохновилась и принялась рассказывать мне, как улучшить мою мелодию, как сделать так, чтобы она звучала чище. И в конце занятия сказала, помолчав: «Если вы станете трудиться по шесть часов в день ежедневно, то из вас выйдет толк».

Шесть часов скрипки каждый день?

Я сдохну.

Но с другой стороны... Вдруг я стану знаменитой скрипачкой? И не придётся полы тереть в сетевом магазине! И никакой Ларисы Палны!

Надо менять свою жизнь прямо сейчас. Прямо в детстве. Не научили меня в детстве работать, упорно трудиться, идти к цели – значит, я научусь сама. Чёрт с ней, со скрипкой, буду терзать её по шесть часов. Но стану знаменитой скрипачкой!

И голову вскинула, задрала подбородок, будто бы уже стала ею. Выступает Алевтина Румянцева, лауреат премии имени Чайковского, народная артистка Советского Союза, народная артистка Российской Федерации...

Больше титулов себе я не успела придумать, потому что свернула в подворотню и увидела страшное зрелище. Двое мальчишек кидались камнями в Лимон. Собаку зажали во дворе, не давая убежать, и она только скулила, пытаясь спрятаться за деревом, за крыльцом, вжаться в стену. Мальчишек я не знала, никогда не видела, но они были старше и сильнее меня. Я приникла к стене, мысленно посылая им проклятия. Вспомнила эту сцену. Да, так и было...

Один из камней попал собаке в шею, и Лимон взвизгнула – удивлённо, испуганно, страшно. Она не понимала, почему всегда добрые люди, которых она любила всей душой, делают ей больно. А я не выдержала. Разве можно бить беззащитную собаку? Ведь она даже защищаться не смеет!

– А ну оставьте Лимон в покое! – крикнула и пожалела. Голосок звонкий, детский, совсем не требовательный, а какой-то даже жалобный.

Мальчишки обернулись, смерили меня взглядами. Потом переглянулись между собой, и тот, что повыше, угрожающе протянул:

– А тебе чего надо? Иди, не твоё дело!

– А вот и не пойду! – с ватными ногами и колотящимся сердцем рывкнула я, стараясь не показать, как мне страшно. – Это... Это моя собака! Не трожьте её!

– Скройся с глаз, малявка, – выкрикнул тот, что пониже, и замахнулся рукой. – А то шас так отделаем, что костей не соберёшь!

– Стыдно должно быть!

Я разозлилась. Я же взрослая тётка, я недавно воришку тряпкой гнала из магазина, неужели не справлюсь с вот этими хулиганами малолетними?! Перехватив скрипку двумя руками, как щит, перед собой, я двинулась на них, одновременно пылая праведным гневом и умирая от страха.

– А ну, пошли отсюда, а то как заору, соседи прибегут и уши вам надерут!

– Что-о-о?

В одно мгновение оба оказались рядом, и высокий толкнул меня в плечо так сильно, что я не удержалась на ногах и свалилась на асфальт подворотни. Маленький вырвал футляр из рук и с силой швырнул его о стену. Скрипка внутри жалобно тренькнула. Я закричала:

– Дурак, это же инструмент! Он дорогой!

В ответ меня пнули ногой в колено. Больно как! Я вскрикнула, шарахнувшись к стене, а маленький замахнулся кулаком. Я закрыла глаза, ожидая удара, но...

– Вы чё, обурели?

Я приоткрыла один глаз.

Мальчишки разом обернулись на голос, и маленький даже кулак за спину спрятал. Ещё один парень – постарше их, лет четырнадцати, смутно мне знакомый – стоял, опершись на стену плечом. Крепко сбитый, загорелый, словно даже обветренный, с ёжиком светлых волос, он шурился на моих обидчиков и улыбался, но улыбка его была опасной. Я отодвинулась ещё немного, вжавшись в грязную стену. Колено саднило, ныли ладони, стёсанные при падении об асфальт, но об этом лучше подумать потом. Как бы ещё драки ни случилось!

– А ну пшли отсюда! – парень сплюнул в сторону и сделал быстрое движение всем телом в сторону хулиганов. Те стартовали с места в карьер, обогнув меня и скрывшись на улице. А я, всё ещё не веря в своё чудесное спасение, посмотрела на парня. Он шагнул ко мне, протянул руку:

– Вставай. Испугалась? Ты с ними не связывайся, шпана они залётная.

– Они в собаку камнями бросались, – пожаловалась. Поднявшись, потёрла пальцами колено и зашипела от боли. Вспомнила, ахнув: – Скрипка!

За скрипку меня убьют! Она стояла каких-то безумных денег, не помню сколько именно, но папа, достав её, выглядел настоящим охотником, в одиночку завалившим мамонта. Я нагнулась, с опаской подняв футляр, присела на корточки, отщёлкнув застёжки. Парень заметил:

– Платье сзади порвала. Во мамка заругается.

– Скрипку б не сломали... – с дрожью в голосе ответила я. Открыла футляр и взяла инструмент, осмотрела со всех сторон. Боже, спасибо! Ни царапинки.

– Ну? Как? – поинтересовался парень. Я встала, показала с улыбкой:

– Целая!

– Ну и хорошо, – кивнул он. – Беги домой.

– Какое домой! Лимон надо посмотреть, эти гады в неё попали!

– Какой ещё лимон? – удивился он. Я отмахнулась:

– Собаку так зовут!

И пошла во двор, прихрамывая на правую ногу. Колено болело, но я хотела поскорее увидеть Лимон. Бедная псинка, испугалась, наверное, да и камнем получить – больно! Если ранили, нужно её отвести к ветеринару. Только где взять денег?

Лимон тоненько скулила под своим деревом, зализывая оцарапанную камнем заднюю лапу. Я приблизилась осторожно, вытянув руку:

– Лимон, Лимончик! Это я, Аля, дай посмотрю, где болит!

Собака глянула на меня, словно жалуясь, и отвернула морду. Этот жест я знала с лапушками: мол, делай всё, что надо, я тебе доверяю и не укушу. Присев над собакой, я принялась искать рану на шее. Нашла и приценилась – надо ли зашивать. Ранка была небольшая, но широкая, кровь сочилась медленно, потому что достать до неё языком Лимон никак не могла. Из-за плеча раздался голос парня:

– Надо перекисью залить и стрептоцидом поверх, чтобы подсохло.

– По-хорошему, её надо к ветеринару отвести, – вздохнула я. – Но у меня нет денег.

– Сиди тут, щас.

Он быстрым шагом направился в подъезд напротив моего. Значит, живёт тут. Как-то раньше я его не видела? Или видела, да не обращала внимания, потому что он старше года на три?

Лимон лизнула мою руку и снова принялась зализывать лапу. Я погладила собаку по лохматому боку, стараясь расчесать шерсть пальцами, сказала:

– Сейчас мы тебя вылечим, Лимончик. Не бойся, этот парнишка очень добрый! Он тебя не обидит.

Собака ответила по-своему, по-собачьи: прошлась языком по моей руке, ткнула носом под пальцы и нашла ссадины на ладони, деловито стала лизать. Лечила. Хорошая собаченька, умная, ласковая! Я буду не я, если не заберу её домой. Нельзя её во дворе оставлять!

Быстрый шелест кед по асфальту, и парень присел рядом, отпихнул мои руки:

– Дай-ка я. Смотри, цапнет!

– Не цапнет! Лимон не кусается! – возразила я, отводя морду собаки подальше от раны.

– А ты смелая, – усмехнулся парень, откупорив тёмный пузырёк. – Держи тогда, чтоб не испугалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.